

защитники эстетической красоты, вмѣсто того, чтобы честно отступить въ *одномъ* пунктѣ, начинали пользоваться, для защиты другихъ своихъ позицій, оружіемъ своего же врага, тщетно пытаясь создать на его же обломкахъ слабую теорію для оправданія факта, предъ которымъ имъ, собственно говоря, слѣдовало бы, оставаясь искренними, — развести лишь руками.. Этимъ слабымъ мѣстомъ у защитниковъ искусства и его служителей было неумѣнье, невозможность примирить такихъ противорѣчій въ брошенномъ имъ *оттуда* фактѣ, какъ совмѣстность, съ которою могло уживаться въ нѣкоторыхъ гениальныхъ людяхъ, поэтахъ и художникахъ (приводились имена), бокъ-о-бокъ эстетическое величіе таланта ихъ съ одной стороны и нравственная распущенность съ другой. Что же дѣлали защитники эстетики? Если бы мы захотѣли подробнѣе заняться разборомъ ихъ *cheval de bataille*, то увидѣли бы, что она, въ сущности, была жалчайшею изъ Россинантъ; но мы не будемъ заниматься этимъ подробнымъ разборомъ; приведемъ только одинъ примѣръ. Когда, кажется, Писаревъ заявилъ что-то въ родѣ того, что онъ «ни за какого художника не поручится, чтобы онъ не укралъ изъ кармана платка», что Гейне былъ развратникъ, Гофманъ — пьяница и т. д. и т. д., — *оттуда* на это отвѣчали, что де и за «публициста» то же неручаются въ этомъ отношеніи, что, напр. и Бэконъ былъ «подлецъ» и т. п. Теорія же, которую они хотѣли создать для оправданія и защиты эстетической красоты была въ родѣ той, что нравственное де чувство и есть ничто иное, какъ чувство эстетическое, что, напр., человѣкъ, находящій случайно деньги и отдающій ихъ по принадлежности, поступаетъ такъ, руководясь лишь эстетически, — «красотою» человѣческой природы... А такъ какъ, съ другой стороны, это эстетическое чувство они опредѣляли какъ чувство сенсуальное, выводя его, вмѣстѣ съ